

УДК 94(470)»19/...»
DOI: 10.15393/j14.art.2024.205
EDN: GPPEOI

Статья

Юлия Сергеевна Каминная

Национальный архив Республики Карелия
Ведущий архивист

Научный руководитель:

Ирина Александровна Чернякова

Петрозаводский государственный университет
Институт истории, политических и социальных наук
Доцент кафедры зарубежной истории;
Гуманитарный Инновационный Парк
Заведующий Исследовательской лабораторией локальной
и микроистории Карелии (ИЛЛМИК);
Старший научный сотрудник, кандидат исторических наук

ШВЕДЫ, РУССКИЕ, ФИНЛЯНДЦЫ — PRO ET CONTRA В ВОЙНЕ 1788—1790 гг.: ПО ЗАПИСКАМ СТЕПАНА АПРАКСИНА

Аннотация. Статья посвящена анализу действий российских и шведских солдат на театре военных действий в Финляндии, а также поведению местных жителей. Проанализированы наблюдения, сделанные аристократом Степаном Апраксиным — современником и участником Русско-шведской войны 1788—1790 гг. Опираясь на казусы, присутствующие в его записках, автор статьи показывает как положительные, так и отрицательные проявления людских характеров в драматичных обстоятельствах военного лихолетья. Помимо формирования оппозиции шведскому королю Густаву III, обращено внимание на обстоятельства военного быта и положение в финских городах и деревнях.

Ключевые слова: Русско-шведская война; Степан Апраксин; шведское войско; российская армия; местное население.

Источники и историография

Работа основана на сравнительно-историческом методе, применённом для анализа рукописных заметок русского аристократа Степана Апраксина. Главный акцент сделан на исследовании зафиксированных им наблюдений об армейских поведенческих стереотипах, как у российских, так и у шведских солдат, а также об особенностях поведения местного населения, на территории проживания которого велись боевые действия и которое также оказалось вовлечённым в военное противостояние.

Основным источником для анализа явились «Записки о русско-шведской кампании 1788—1790 гг.» [1], в которых их автор — современник русско-шведской войны 1788—1790 гг. Степан Апраксин, рассказывая о событиях, свидетелем и участником которых ему довелось быть, попутно характеризует и даже оценивает поступки и восприятие военных действий солдатами обеих армий, также уделяя некоторое внимание поведенческим реакциям местных жителей.

Несколько иное отношение к событиям Русско-шведской войны 1788—1790 гг., в частности, иные оценки поведения и деятельности башкир в ходе боёв, обнаруживаем у Сергея Тучкова [3], который, как и Степан Апраксин, являлся непосредственным участником войны между Россией и Швецией.

Дополнительные сведения о поведении и поступках жителей Финляндии содержатся в опубликованном варианте анализируемых здесь «Записок». Текст, в котором Степан Апраксин дал более подробную характеристику финнов и даже уделил внимание особенностям их образа жизни, был издан под заголовком «Описание морских и сухопутных сражений между российско-императорскою и королевскою шведскою армиями с 1788 до 1790 года» [2].

Для понимания территориальной подоплёки российско-шведского военного конфликта 1788—1790 гг. было решено обратиться к тексту Абоского мирного договора 1743 г., так как именно в нём определены результаты предшествовавшего военного столкновения [4].

В историографическом отношении автор статьи опирается на труды как дореволюционных, так и современных исследователей. Монография Елены Сенявской, увидевшая свет в 1999 г. [9], позволяет сформировать исходное представление о поведении человека на войне, которое обнаруживает сходство в любые времена: реакция непосредственного участника боевых действий может быть весьма неоднозначной — как в положительной, так и в отрицательной ипостасях.

Мария Лялина, исследование которой было издано в 1908 г. [7], подробно описывает формирование оппозиционных настроений среди шведов и финнов относительно действий шведского короля Густава III, и, тем не менее, приходит к выводу, что местное финское население во время войны 1788—1790 гг. было на стороне Швеции и оказывало всяческую поддержку шведам.

В труде Арви Лайдинена, петрозаводского историка советского времени, также рассматривается формирование оппозиции Густаву III [6] и он также приходит к выводу, что финны в своём большинстве не поддержали оппозиционные настроения, сохранив верноподданническое отношение к Швеции. Подобной позиции придерживается и современный исследователь Янис Сексте, статья которого посвящена детальному описанию Аньяльской конференции [8].

Любопытным свидетельством в данном контексте является приведённое дореволюционным исследователем Михаилом Бородкиным описание встречи Густава III с финским населением, которая в очередной раз подтвердила их преданность шведскому королю [5].

Особого упоминания заслуживают факты, обнаруженные современным исследователем Анатолием Чеботарёвым, трактуемые как попытки российской стороны сформировать оппозицию среди финского населения в отношении шведского короля и армейского командования [10]. Подчеркнём, что данное мнение расходится с позицией очевидца войны Степана Апраксина, который считал, что никакого воздействия на формирование оппозиции Густаву III среди местного населения Финляндии российская сторона не оказывала.

Обсуждение

Война безусловно влияет на человеческое поведение и людские поступки, формируя особую психологию, которая проявляется как в массовом, так и в индивидуальном порядке. Русско-шведская война 1788—1790 гг. не является исключением. Конкретные действия вооружённых армий в лице отдельных солдат, и мирных жителей — обывателей, оказавшихся в зоне боевых действий, будучи зафиксированными очевидцами, с высокой степенью достоверности создают образ человека на войне.

Как утверждает Елена Сенявская, оказавшимся в подобной ситуации людям может быть свойственно в равной степени проявление крайностей в поведении — как страха и трусости, так и героизма [9: 51]. В анализируемой рукописи участник и очевидец событий двухсотлетней давности Степан Апраксин раскрывает данное наблюдение на примере поведения казачьих войск на войне. Им были присущи такие пороки, как грабёж и пьянство. Так, в 1789 г. в местечке Пумаласунда вблизи крепости Нейшлот они учинили нападения на местных жителей, о чём в записках с горечью сообщается: «Мы имели в то же время другое неудовольствие, то есть грабительства, учиненные козаками в той земле, от чего российские войска зделались несколько в местах, где сие случилось, и ненавидимыми» [1: 25об]. Безусловно, такое поведение в сильной степени способствовало ухудшению образа российской армии в глазах финского населения, на территории которого велись боевые действия.

Слабая дисциплинированность казаков отразилась в их действиях во время боёв с армией противника. В том же 1789 г. в Ковале, по свидетельству Степана Апраксина, казаки приняли войска подполковника Петровича за вражеские [1: 32об]. Далекое не всегда подчиняясь командованию, они зачастую не выполняли приказы. Когда генерал Фёдор Нумсен дал приказ казакам идти в направлении Аборфорской дороги и ждать дальнейших указаний «они худо сие поняли ... отправились на дорогу Аборфорскую, где тотчас и столкнулись с неприятельской ариергардою» [1: 71об]. Несмотря на данные примеры, утверждать о полном неподчинении казачьих отрядов командованию не приходится. Во всяком случае, Степан Апраксин с долей сочувствия и в какой-то мере сожаления отмечал, что казаков несколько не жалели и могли отправить в труднодоступные места для решения боевых задач. Например, во время защиты крепости Фридригсгам главнокомандующим армии Салтыковым было дано распоряжение о направлении казаков на ближайший к крепости остров во время оттепели и «бедные козаки на сие употребленные немало претерпели, потому что большая часть островов была без жилья, а где оно и было то всё разорено морскими солдатами» [1: 100об, 101].

Не менее активное участие в боевых действиях между Россией и Швецией в 1789 и 1790 гг. принимали башкиры. Степан Апраксин описывает их весьма негативно. Как и казаки, воевавшие в составе российской армии башкиры пьянствовали и учиняли грабежи на территориях противника. Автор манускрипта с горечью отмечает: «несчастливы земля и армия, где их первых пустят, те уже кои после пойдут, найдут опустошение и голод...» [1: 96, 72]. Их, как и казаков, отправляли на выполнение самых сложных задач в ходе противостояния с неприятелем. Впрочем, башкиры, как и казаки, не были беспрекословными исполнителями распоряжений. Призвать их к порядку тоже не всегда удавалось, как это произошло при попытке генерала Карла Кноринга повлиять на поведение башкир. По свидетельству Апраксина: «они грозили, что его убьют, и хотели токмо начинать грабить по дворам деревни» [1: 72]. Стоит упомянуть, что данная — исключительно негативная — оценка действий башкир расходится с мнением такого же очевидца и участника войны Алексея Тучкова. В его записках приводятся примеры не только активного участия башкир в боевых действиях, но и их заметного

вклада в победу над шведами. В 1789 г. под командованием генерала Ивана Михельсона башкиры смогли оттеснить шведов до мыса Кристины [3: 23].

Общая карта походов 1788, 1789 и 1790 годов [11]

Рассматривая поведение русских и шведских солдат, Степан Апраксин приходит к выводу о неоднозначности их действий в условиях военного времени. Так, описывая действия русских военных, он часто прибегает к понятию «храбрость». В качестве примера её проявления автор записок рассказал о военном столкновении недалеко от деревни Утти, где в 1789 г. «после 6-ти часов храброго сопротивления» [1: 27об], русские вынуждены были уступить позицию. Несмотря на это, они стойко противостояли противнику. Нельзя не обратить внимания

на приверженность Апраксина к объективности: факты проявления трусости солдатами российской армии тоже имеют место в его рукописи. Повествуя о боевом столкновении недалеко от мыса Кристины в 1789 г., он отметил, что наши солдаты практически одерживали победу, но увидев большое количество крови на поле сражения испугались и не продолжили дальнейшего наступления [1: 20об, 21].

Манускрипт Степана Апраксина содержит неоднократные упоминания о трудностях, с которыми пришлось столкнуться российской армии. Приведём один из описанных им эпизодов: в ходе кампании 1789 г. во время продвижения войск недалеко от Аборфорса в течение нескольких дней лил сильный проливной дождь и солдаты «начевали в чистом поле на грязи, и не имели ни палаток, ни домов дабы несколько просушиться» [1: 73]. Несмотря на полное отсутствие элементарных бытовых условий они мужественно и стойко преодолевали невзгоды. Автор с сочувствием записал, что у солдат отсутствовали даже котлы для того, чтобы варить пищу, и они «принуждены были жарить, или лучше сказать сушить [еду — Ю. К.] на деревянных спичках» [1: 73об]. Тем не менее, — констатировал очевидец, — «со всем тем неприметно было ни на одном лице неудовол(ь)ствия, разве тол(ь)ко огорчились тем, что река разделяла нас с неприятелем» [1: 74]. Апраксин также отмечал, что солдаты вынуждены были передвигаться в ходе боевых действий по местностям, изобиловавшим реками, озёрами, островами и полуостровами. В таком специфическом ландшафте вооружённым людям зачастую приходилось вплавь достигать противоположного берега из-за отсутствия хороших лодок [1: 64, 64об].

Не меньшее внимание уделено Степаном Апраксиным описанию характерных черт шведской армии. В начале войны в войсках противника происходили, согласно его записям, «некоторые несогласия» [1: 3об] из-за возможности прекращения ведения боёв против России, что не соответствовало замыслам шведского короля Густава III. Однако в связи с тем, что отступление от воинского долга перед страной считалось «сквернейшим клятвопреступлением», полки отказывались от протестного воздействия конфедерации и «защищали, что нужно было к пользе в армии», поэтому протест затронул лишь малую часть войск [1: 10]. В финальной части рукописи Степан Апраксин вновь посчитал необходимым отметить, что шведы «привыкли к повиновению» [1: 130об]. Кроме того, он не сомневался, что шведы не были грабителями [1: 130об] и даже отметил, что они сражались против русских «весьма благородным образом» [1: 39об].

Впрочем, шведы, как и русские, могли проявить себя по-разному в ходе войны. С одной стороны, как отмечал Степан Апраксин, они храбро и активно вели себя в сражениях. Так, по завершении кампании 1788 г. шведский флот должен была остановиться на зиму в Свеаборге, однако в связи с начавшейся оттепелью их корабли «с ещё большей силой и проворством вооружились и, воспользовавшись благоприятным ветром, прошли мимо Ревеля в сторону Карлскроны, где их вовсе не ожидали». С другой стороны, шведам было свойственно проявление страха и паники. Во время поражения в битве при Свенксунде в 1789 г. последовало «великое расстройство» на суше после увиденного в морском сражении: «всё было в страшном беспорядке... с берегов моря тоскали, возили, носили всё, что можно спасти было» [1: 52]. Среди солдат и матросов началось пьянство до беспамятства [1: 52об].

В войну 1788—1790 гг., как и в любую другую войну, оказались вовлечены не только военные контингенты, но и мирное население. Зона боевых действий охватывала прилегавшие к реке Кюмень территории, а также провинцию Саволак. Эти земли перешли к России по условиям Абоского мира 1743 г. [4], поэтому развёртывание военных действий именно здесь не было случайным. Вильманstrand, Фридрихсгам, Нейшлот и Кронштадт — крепости, принадлежавшие России, являлись главными объектами нападений шведов. Гораздо в меньшей

Pehr Hilleström. Густав III и солдат Грен. Эпизод из войны 1789 г. [12]

степени в военном противостоянии были задействованы территории шведской части Финляндии.

Повествуя о местном финском населении, Степан Апраксин заметил следующее: «жители Финляндии издавна к шведам должны были быть преданы, да и подлинно таковыми иногда нам казались, и совершенно постоем наших полков считали себя отягощёнными» [1: 30б]. Автор рукописи с некоторой долей сомнения отмечал, что мирное население финских городов и деревень исторически было верноподданически настроено к шведам, поскольку большая часть финских территорий входила в состав Швеции вплоть до 1740-х гг.

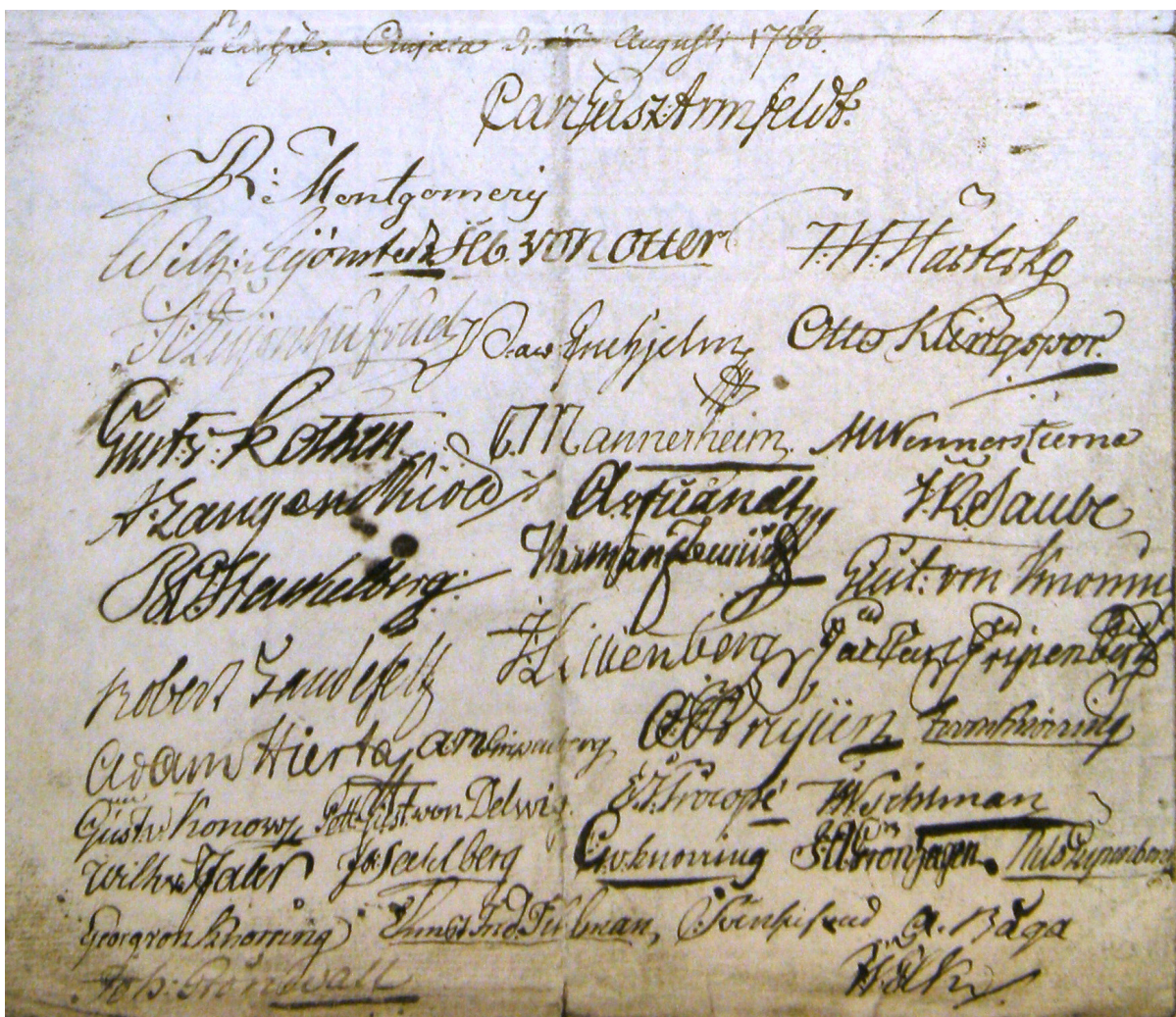
Единственным подтверждением существования оппозиции королю Швеции Густаву III явились события 1788 г., произошедшие в Лиикала, Аньяла и Хусула. Вдохновителем антишведских настроений был Георг Магнус Спренгтпортен. Автор обобщающего дореволюционного издания по истории Финляндии Мария Лялина несколько не сомневалась, что его идеи находили поддержку среди финской дворянской молодёжи [7: 153].

Говоря о поведенческих стереотипах финнов, важно отметить, что оппозиция возникла до войны между Россией и Швецией, случившейся в 1788—1790 гг. Ещё за пять лет до её начала было учреждено полуполицейское офицерское сообщество «Валгалла» под руководством Юхана Андерса Егерхорна. Петрозаводский историк Арви Лайдинен в исследовании, посвящённом событиям второй половины XVIII века, констатировал, что среди объединившихся вокруг Егерхорна офицеров оказались в первую очередь патриотически настроенные финны — уроженцы Финляндии, которые были уверены в необходимости отделения Финляндии от Швеции. Впоследствии некоторые из них стали непосредственными участниками военной кампании 1788 г. [6: 97, 100].

В июле 1788 г. несколько офицеров из Лиикала направили императрице Екатерине II ноту от лица финской армии, в которой отмечалась незаконность начатой Густавом III войны и со-

держалось предложение о заключении мира. Документ в Санкт-Петербург доставил сам Ю. А. Егерхорн. Для разъяснения положений ноты была составлена декларация, которая, согласно трактовке исследователя Лайдинена, явилась настоящей политической программой. Тогда же к этому сообществу присоединились более ста офицеров из Аньяла [7: 158, 159].

Итогом личной встречи Екатерины II с майором Егерхорном явилось устное обещание о возможности оказания помощи финнам. Российская императрица не дала документального подтверждения своего обещания, поскольку, как полагает Янис Сексте, в Финляндии оппозиция не имела достаточной поддержки и действия Екатерины II могли быть истолкованы в пользу шведского короля [8: 108]. Узнав об оппозиционных настроениях финских офицеров, Густав III решил лично выяснить у солдат их позицию. По утверждению историка Михаила Бородкина, они обещали королю всегда следовать за ним [5: 83]. Вскоре после вступления в войну Дании оппозиционное движение в Финляндии сошло на нет [6: 135].

Подписи под Аньяльским соглашением [13]

Важно отметить, что Степан Апраксин не решился дать окончательную оценку деятельности конфедератов, обратив внимание лишь на то, что их число могло бы быть даже меньше объявленного [1: 12], а также сделав акцент на том, что истинные намерения конфедератов ставились под сомнение: «Дело было тех, кому поручена была сия экспедиция видеть искренно ли сие делалось или токмо чтобы выиграть время» [1: 12]. Можно с уверенностью отметить, что по мнению Степана Апраксина малочисленность и слабая поддержка деятельности конфедератов никак не могла оказать сильного влияния на ход войны.

Местное население Финляндии, жившее на территории, подчинённой Швеции, не поддерживало идеи конфедератов. Народ не хотел войны, обоснованно опасаясь гибели людей и разрушения собственности. Мирные жители, напротив, в большинстве своём оказывали поддержку Густаву III и шведским войскам. В подтверждение данного утверждения М. Лялина ссылалась на немаловажный факт: в 1790 г. местное финское население приморских городов не только принимало участие в строительстве судов, но и добровольно передавало в распоряжение шведской армии собственные карбасы и лодки [7: 167]. А. Лайдинен в свою очередь привёл цитату из письма Ю. А. Егерхорна, адресованного Г. М. Спренгтпортену, из которого ясно, что жители восточной Финляндии не имели «никакого доверия к искренности соседа» и не ожидали от России предоставления «формальной свободы» [6: 113].

Отметим специально, что Степан Апраксин вовсе не упоминает о каких бы то ни было попытках с российской стороны содействовать формированию оппозиции шведам среди финнов. Иную точку зрения высказывает современный исследователь Анатолий Чеботарёв, утверждая, что со стороны России были попытки формирования оппозиции шведской власти среди финского населения. Он приводит сведения о том, что в 1790 г. после проигрыша принцем Карлом Генрихом Нассау-Зигеном второго сражения при Свенскунде, шведами на флагманском корабле были обнаружены манифесты, составленные русскими и обращённые к финнам с призывом принять подданство Российской империи. Однако при этом исследователь подчёркивает, что попытки воздействия на жителей Финляндии были безуспешными [10: 86, 87].

Как уже отмечалось ранее, жители Финляндии в основной массе были преданы шведскому королю Густаву III, а также были готовы содействовать шведскому командованию. В манускрипте Апраксина находим неоднократные тому подтверждения. В 1790 г. генерал Фёдор Нумсен направился в Фридрихсгам для рекогносцировки местности, поскольку прошёл слух, что неприятель готовился к осаде этой крепости. При попытке получить сведения о положении шведских войск генерал Нумсен наткнулся на абсолютное нежелание местного населения делиться с ним информацией о шведах. Автор записок увидел объяснение в «природном нерадении» финнов. Попытки договориться с финскими крестьянами о передаче или получении писем также оказывались тщетными и все разговоры заканчивались тем, что они «отговаривались запрещением им будто зделанным никому из наших военных не услуживать, без особаго повеления от наших гражданских начальников» [1: 107]. Крестьяне Финляндии находили любые предлоги для того, чтобы никоим образом не сотрудничать с русскими военными властями.

Ещё один пример преданности финнов шведам обнаруживаем в рукописи при описании Апраксинским событий 1790 г. В российской армии стали распространяться слухи, что шведы планируют вести наступление на Нейшлот. Для отражения нападения противника войска бригадира Александра Римского-Корсакова получили подкрепления и начали передвижения, о которых шведы сразу узнали. Как утверждает Степан Апраксин, в получении информации о местоположении и рекогносцировках русских войск шведам помогли «хорошие шпионы» из крестьян, бывшие «им действительно, а не нам преданными» [1: 108об, 109]. Благодаря полученным сведениям противнику удалось внезапно напасть на батальон егерей в Пардакоски, которым командовал подполковник Петрович. Трудно усомниться в достоверности свидетельства очевидца и участника событий Степана Апраксина о том, что шведы всегда имели контакты с местным финским населением, которое сообщало им об обстановке в частях российских войск.

Однако несмотря на то, что русские не всегда были хорошо информированы о передвижениях шведов, всё же некоторые сведения им удавалось получить от местного населения. Так, генерал Нумсен, приехав в Купис в 1789 г., послал егерей по домам местных жителей, чтобы узнать расположение войск неприятеля. Степан Апраксин подробно излагает ответ финнов:

они «уверяли, что мы с ними не прежде встретимся, и не ближе, как по окончании лесу за полем Каранбиским, что главная их армия пошла прямо в Питис, ... что под вечер была известная стычка» [1: 68об]. Впоследствии генерал Нумсен отправил егерей и казаков разузнать о положении неприятеля у местного населения в Вестер Каранби, где жители достаточно детально «их уведомили, что колонна с экипажем с 6 пушками, и очень маленьким отрядом людей, и несколько драгун пошли в Гервикоски» [1: 69]. Такое поведение местных жителей могло быть связано с тем, что, передавая сведения, они ничем не рисковали. Не менее вероятно, что за информацию финны могли получить вознаграждение.

Важный эпизод, позволяющий сделать вывод о поведенческих стереотипах местного населения, представлен Степаном Апраксиным при описании действий войск близ деревни Жутила. Генерал Нумсен имел план дать отпор неприятелю в Аниоле, предварительно согласовав с генералом Петром Сухтеленем наведение мостов в деревне Жутила [1: 70об]. Опасаясь разрушения деревни, её жители «сказали, что солдаты шведския проходя их угрожали, что ежели мы придем с бол(ь)шою силою, они станут бросать гранаты, чтобы сжечь деревню» [1: 72]. Российское командование воспользовалось этой информацией и, по утверждению Апраксина, «сие мы употребили в пол(ь)зу, чтоб послать к ним на имя майора Глазенапа, будто бывшего тут начальника наших войск, сказать, что ежели сожгут деревню, то он то же в отмщении зделает» [1: 72]. Это сообщение содержит как минимум два посыла. С одной стороны, оно было доведено до местных жителей с целью обеспечения их большей безопасности. С другой стороны, оно являлось предупреждением и даже угрозой, которую шведы через финнов хотели донести до русских.

Степан Апраксин в варианте записок, подготовленных к изданию, счёл необходимым не только отразить особенности повседневности и собирательный образ жителей российской части Финляндии, но и показать специфику поведения финнов, описав это следующим образом: «житель сей земли дик, неопрятен, ленив и упрям; с земли им занимаемой платит весьма малую подать; а труд его состоит в том, чтоб починивать главнейшия дороги; весь его промысел — гнать смолу, а в иных местах ткать, как известно, собственно для себя платье; почему и живет бедно» [2: 1об]. Продолжая фиксировать бытовые условия финского крестьянина, Степан Апраксин акцентирует внимание на том, что «...жилище его столь же не чисто, как и сам он; поле обработано только для половины нужд его, ... вся его пышность ограничивается в нескольких маленьких лошадях хорошей породы и небольшом количестве скота, могущаго без всякой нужды кормиться в болотах травами» [1: 1об]. Приведённые оценки современника и очевидца военных событий свидетельствуют о безусловно плачевном уровне жизни финского населения.

В финских деревнях отсутствовали добротные жилища. Значительной проблемой для местного населения являлось пропитание. По этому поводу в рукописи Апраксина находим яркое свидетельство: «...худая пища ... земля была истощена, житель тол(ь)ко что имел чем прикормит(ь)ся сам; в иных местах ели хлебы из коры древесной» [1: 95]. Ситуация сильно усугублялась тем, что на дорогах было небезопасно. Степан Апраксин свидетельствовал: «ежели между поселянами находились таковые, которые могли доставить хлеб в отдаленности, не смели за оным ездить, боясь, чтобы каким-либо образом сии провизии у них отняли» [1: 95об]. Исходя из приведённых по исследуемой рукописи примеров нельзя не отметить, что проблемы местных жителей по обеспечению пропитания были достаточно серьёзными.

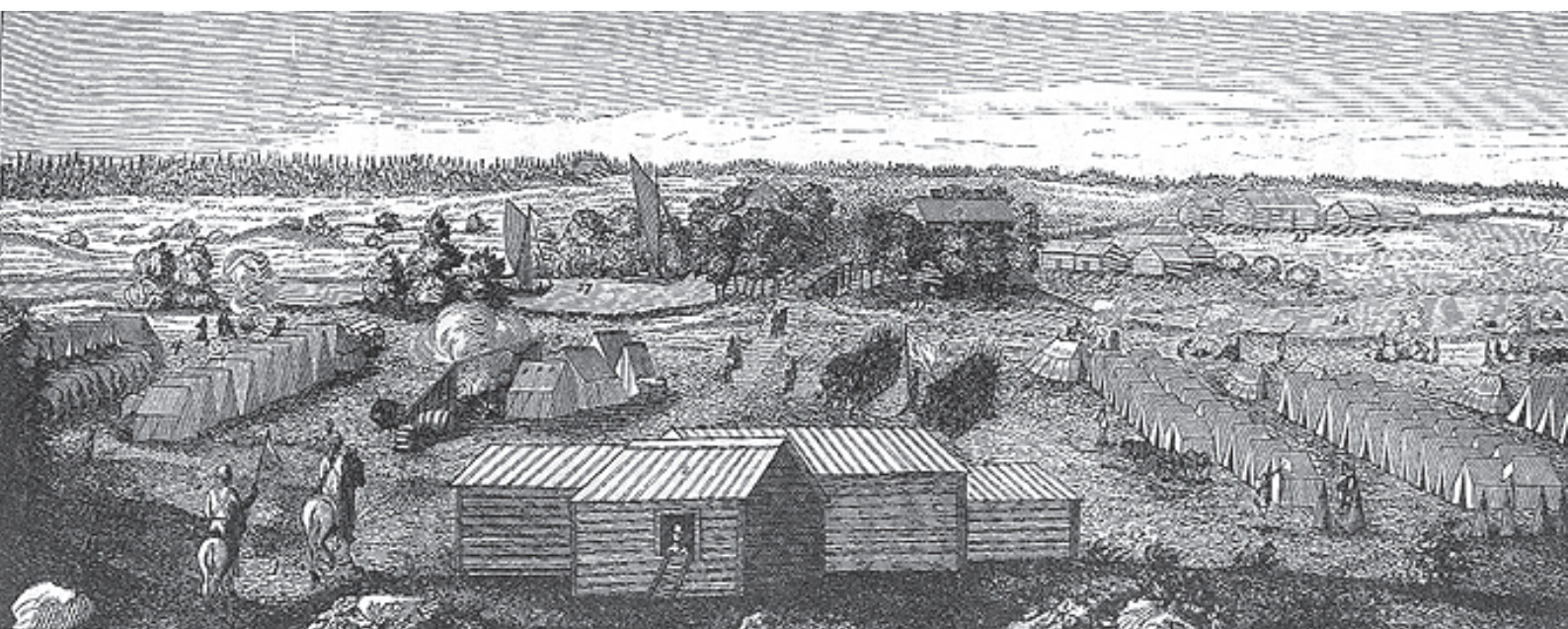
Российские солдаты зачастую приобретали хлеб у финнов, но иногда не гнушались и отбирать его, чем наносили местным крестьянам ещё более сильный урон. Апраксин описывает это следующим образом: «офицеры посылавали слуг с деньгами, которые сведав о месте, где какая провизия хранится, покупали часть добровольно, а иногда между делом посланные

изыскивали время, чтоб достальное и даром взять» [1: 96]. Апраксин неукоснительно настаивал, что такое поведение неприемлемо и приводил примеры, опираясь на опыт войны во Франкони, как необходимо взаимодействовать с местными жителями. В поучительном тоне Степан Апраксин не уставал повторять, что во время войны необходимо вести «полный торг всему в армиях», следить за качеством товаров, работой продавцов с покупателями и наказывать виновных за нарушения. Автор манускрипта был в полной мере убеждён, что для организации торговли следовало проводить специальную разъяснительную работу как с местными жителями, так и с солдатами [1: 96].

Стоит подчеркнуть, что Степан Апраксин обращал внимание не только на специфику жизни сельских обитателей Финляндии, но также останавливался на фиксации особенностей быта горожан. В манускрипте имеется описание города Фридрихсгама, в котором на зиму оставались солдаты и где в 1790 г. был организован госпиталь.

Вот как описал ситуацию во Фридрихсгаме автор: «город был худо снабжён, стеснён ... довольным количеством жителей работающих и без дела, но не защитниками, городские валы не были окончены...» [1: 114об]. Мирные жители подвергались высокому риску гибели в условиях ведения боевых действий вблизи города. Они не имели оружия и могли полагаться исключительно на солдат, многие из которых находились в госпитале, будучи ранеными или больными. Мирное население также страдало от болезней, распространённых среди военных. В связи с высокой угрозой заболеваемости и тяжёлыми условиями работы в госпитале городские жительницы не соглашались заниматься уходом за больными. Степан Апраксин заострил внимание на нелицеприятной проблеме: «сами солдаты надзирающие заражаются часто теми же болезнями» [1: 94об]. Автор манускрипта был убеждён, что возможность разрешения сложившейся ситуации имелась. В то же время ему пришлось констатировать, что «употреблены были все труды в Фридригсгаме, чтобы найти женщин для сего неприятного в лазаретах служения», но «ни одна не согласилась» [1: 94об]. «В сем случае, — не теряя надежды на разрешение ситуации записал Апраксин, — можно было употребить власть их понудить пол(ь)зоваться за их труды жалованьем и пищею» [1: 94об].

На самом деле Фридрихсгам был действительно переполнен людьми. В крайне стеснённых обстоятельствах оказались как сами его обитатели, у которых, по утверждению Апраксина, не

Военный лагерь во Фридрихсгаме [14]

было иного пристанища кроме города [1: 92об], так и солдаты, особенно же раненые, размещённые в городе. Убедительно выглядят разъяснения, данные автором рукописи в этой связи о специфике данного городского поселения, оказавшегося в сфере военных действий: «окружность очень мала, форштат вызжен во время осады в первую компанию» [1: 92об]. Горожане жили бедно, будучи стеснены ещё больше в собственных небольших домах обстоятельствами военного времени, о чём свидетельствует следующее описание: «казармы, обывательские дома ... и все казенные строения были заняты, и повсюду стояли по шесть, по восемь человек; и в таких тесных домах, где бы и одному солдату не слишком пространно было» [1: 93].

Описывая положение финнов, проживавших на подконтрольных Швеции территориях, Апраксин ничуть не сомневался, утверждая, что они имели больший достаток, чем те, кто оказались в российской Финляндии, как и в том, что проблем с пропитанием у них не было [1: 101]. Местные жители выпекали хлеб для шведских солдат, так как они «заставляли крестьян, чтоб тем меньше платить хлебникам» [1: 103]. Единственной неукоснительно отмеченной автором записок проблемой для местного населения являлось распространение болезней. Впрочем, даже по этому поводу он замечал, что всё же они случались «не во многих местах» и продолжались недолго [1: 103].

Не обошёл вниманием Степан Апраксин и состояние финских деревень, волею обстоятельств пострадавших от военных действий.

Поселения, наиболее сильно пострадавшие от пламени огня в русско-шведской войне 1788—1790 гг., нанесенные на фрагмент карты Кюменегорского уезда 1802 г. [15]

Главным образом местные жители, равно как их дома и хозяйственные постройки, несли потери от огня пушек и стрелкового оружия. В 1789 г. сильно пострадала Аньяла. Здесь шведы установили скрытые за жилыми домами батареи. Российские войска были вынуждены провести обстрел территории, после чего всё селение оказалось охваченным огнём [1: 38об]. В ответ шведы организовали стрельбу на форпостах. Такие ситуации не являлись редкими, когда целые деревни попадали под перекрёстный огонь. По свидетельству Апраксина: «...часто смертоносная перестрелка не бывает беспрестанно, уже нас беспокоили и довольно людей и невоенных убивали...» [1: 38об].

Огнём были уничтожены Гекфорс и близлежащие деревни. Степан Апраксин в красках описал произошедшее: «два пушечных выстрелов слышны были в Гекфорсе, сии были последние и сия деревня оных несчастная жертва, сии выстрелы так хорошо попали, что в несколько минут сии несчастныя селения зделались жертвою пламя; объятые сим огнем обеих мостов к мельницы сей деревни, близ которых уже были приготовлены горючия материалы, прибавило ужас сего зрелища» [1: 62об, 63]. В манускрипте имеются и другие жуткие картины сильных пожаров, охвативших селения Финляндии, особенно прилегавшие к реке Кюмень.

Вывод

Описание российским аристократом Степаном Степановичем Апраксиным поведенческих казусов российских и шведских солдат, а также местных жителей Финляндии, оказавшихся в зоне боевых действий Русско-шведской войны 1788—1790 гг., подтверждает выводы Елены Сенявской о неоднозначности поведения человека на войне. Экстремальность ситуаций, обусловленных военной повседневностью, с наибольшей очевидностью выявляет всевозможные грани проявления человеческого характера. При этом обнаруживаются его как положительные, так и отрицательные особенности. Присутствующие в анализируемой рукописи участника и очевидца событий различные эпизоды, увиденные сквозь призму участия в боях или военной бытовой повседневности, формируют убедительное представление о невыносимых тяготах, с которыми неизбежно сталкивается человек на войне, а также о том, что его личное поведение диктуется прежде всего обстоятельствами, в которых он оказался.

Источники и литература

Источники:

1. *Апраксин С. С.* Записки о русско-шведской кампании 1788—1790 гг. / С. С. Апраксин // Архив СПб ИИ РАН. Колл. 115. Д. 333. 132 л.
2. *Апраксин С. С.* Описание морских и сухопутных сражений между российско-императорскою и королевскою шведскою армиями с 1788 до 1790 года. Смоленск: Тип. при губерн. правлении, 1804. 317 с.
3. *Тучков А. В.* Описание военных действий в Финском заливе в 1788— 90 гг. // РГАВМФ. Ф. 1331сч. Оп. 4. Ед. хр. 693. 32 л.
4. Мирный договор между Швецией и Россией в Турку 7 августа 1743 года. Текст : электронный // Suomi. 1843. № 4. URL: <https://www.histdoc.net/nystad/abo1743.html> (дата обращения: 28.11.2024).

Литература:

5. *Бородкин М. М.* Краткая история Финляндии. Санкт-Петербург: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1911. 198 с.
6. *Лайдинен А. П.* Очерки истории Финляндии второй половины XVIII в. Ленинград : Наука, 1972. 160 с.

7. Лялина М. А. Очерки истории Финляндии от древнейших времен до начала XX столетия. Санкт-Петербург: Изд. В. Березовский, 1908. 310 с.
8. Сексте Я. А. Аньяльская конференция 1788 г.: страницы истории русско-шведской войны 1788—1790 гг. // КЛИО. 2014. № 6 (90). С. 107—110.
9. Сеньявская Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. Москва: РОССПЭН, 1999. — 383 с.
10. Чеботарев А. М. Заключительный этап информационной войны России со Швецией в 1790 году // Вестник Тюменского государственного института культуры. 2021. № 2 (20). С. 86—90.

Иллюстрации

11. https://runivers.ru/conflicts/campaigns/kampaniya_v_yuzhnoy_finlyandii_v_1789_g/.
12. <https://artvee.com/dl/king-gustav-iii-of-sweden-a-soldier-episode-from-the-russian-war-1789/>.
13. https://fi.wikipedia.org/wiki/Anjalan_liitto.
14. http://carelica.petrus.ru/2019_2/Milyutina.pdf.
15. Карта Кюмменегорскаго уезда, сочиненная уездным землемером Индреном в 1802 году // Атлас Финляндской губернии с уездами и городами и планами по публичным строениям 1803 г. (<https://www.perunica.ru/maps/7530-atlas-finlyandskoj-gubernii-s-uezdami-i-gorodami-i-planami-vsem-bulichnym-stroeniyam-1803-goda.html>)

SWEDES, RUSSIANS, AND FINNS — PRO ET CONTRA IN THE WAR OF 1788—1790: FROM THE NOTES OF STEPAN APRAKSIN

Julia S. Kaminnaya

National Archive of the Republic of Karelia
Lead archivist

Research supervisor:

Irina A. Chernyakova

Associate Professor of the Department of Foreign History
Head of the Laboratory of Local and Microhistory of Karelia (ILLMiK)
Petrozavodsk State University

Abstract: The article is devoted to the analysis of the actions of Russian and Swedish soldiers in the theater of war in Finland, as well as the behavior of local residents. It analyzes observations made by the aristocrat Stepan Apraksin, a contemporary and participant in the Russo-Swedish War of 1788—1790. Based on the mishaps in his notes, the author of the article shows both positive and negative manifestations of human characters in the dramatic circumstances of the war. In addition to the formation of opposition to the Swedish king Gustav III, attention is drawn to the circumstances of military life and the situation in Finnish towns and villages.

Key words: *Russo-Swedish war; Stepan Apraksin; Swedish troops; Russian army; local population.*

